

Император, услышав это, взревел: «Наглец!» — в его голосе сквозила ничем не прикрытая монаршая ярость.

— Ты возомнил себя невесть кем? С каких пор ты смеешь допрашивать Меня!

— Я возомнил себя кем? Ачэнь, ты... — В глазах Шэнь Ханьфэна отразилась невыносимая боль. — Мне было девять лет, когда я отправился на поле боя, чтобы заслужить для тебя военные заслуги. Я прикрывал тебя от стрел, и одна из них прошла всего в полудюйме от моего сердца. Я пролежал в беспмятстве целый месяц и сквозь бред слышал, как ты обещал всегда считать меня своим лучшим братом. Я трижды принимал удар клинка на себя ради тебя, а ты, видя мои оголенные кости, сжимал мою ладонь и клялся, что запомнишь это на всю жизнь. Когда я вынес тебя из огня, я получил тяжелейшие ожоги и три месяца не приходил в себя, чувствуя, как твои слезы каплют мне на лицо. Я думал, что ты тоже дорожишь нашим братством.

— Замолчи! — Чжоу Ичэнь в ярости вышел из себя. — Ты пытаешься использовать эти заслуги, чтобы шантажировать Меня? Хочешь, чтобы я был обязан тебе по гроб жизни?

Шэнь Ханьфэн покачал головой:

— Нет, Ачэнь. Я просто хотел узнать, почему за эти годы ты так изменился в отношении ко мне? Неужели, взойдя на этот высочайший престол, ты обязан стать бессердечным и равнодушным?

— Наглец! — голос Чжоу Ичэня прозвучал властно. — Шэнь Ханьфэн, кем ты себя возомнил, раз смеешь так со Мной разговаривать?

Глядя на полные боли глаза Шэнь Ханьфэна, Чжоу Ичэнь на мгновение дрогнул, и в его взгляде проскользнуло невольное смягчение, а тон стал чуть спокойнее:

— Хорошо. Тогда скажи Мне, кто тебя подставил?

Заметив перемену в тоне Императора, Шэнь Ханьфэн помолчал, а затем наконец произнес:

— Тогда пообещай, что не станешь его наказывать.

Услышав это, Чжоу Ичэнь помрачнел:

— Говори, кто это?

— Это Шэнь Чэнчжи. Он обманом заманил меня в бордель Цуйсянь и подсыпал мне это снадобье.

— Чушь! — отрезал Чжоу Ичэнь. — Ты пытаешься оправдать свои распутные наклонности и при этом клеветешь на собственного брата.

— Ачэнь, нет! Поверь мне, я говорю правду. Шэнь Чэнчжи совсем не такой, каким кажется со стороны...

— Довольно! — с ледяным холодом в голосе оборвал его Чжоу Ичэнь и взмахнул рукой, сметая со стола стопку донесений, которые с грохотом посыпались на пол. — Я общался с Шэнь Чэнчжи, это мягкий и скромный благородный муж. Зачем ты его очерняешь? Он по праву занимает место наследника Особняка маркиза. Ты думаешь, если погубишь его, то сам станешь наследником?

Шэнь Ханьфэн широко раскрыл глаза, на его лице застыло крайнее изумление, а прозрачные, как стекло, глаза, казалось, вот-вот разобьются на мелкие осколки.

— Ачэнь, ты... ты действительно так обо мне думаешь? Неужели я такой человек в твоих глазах?

— А разве нет? Ты осмелишься сказать, что не хочешь стать наследником Особняка маркиза?

Этот вопрос ударил по нему, словно чья-то рука сжала сердце, перекрывая дыхание. Разочарование захлестывало его с головой. Он горько усмехнулся, искривив губы:

— Титул Особняка маркиза мой отец вырвал ценой своей жизни, и этот пост наследника по праву должен был принадлежать мне.

— Вот как? Значит, ты всё-таки жаждешь этого титула и готов пожертвовать собственным братом?

— Я не делал этого! — в отчаянии выкрикнул Шэнь Ханьфэн, словно все мучения, перенесенные за эти годы, вырвались наружу. — Это он хотел погубить меня! Он издевался надо мной с самого детства, если бы не ты, случайно спасший меня тогда, он бы давно меня извел! Он воспользовался мной, чтобы подлизаться к тебе, я был бы уже мертв! Он — животное!

— Довольно! — Чжоу Ичэнь, доведенный до предела, схватил чашку с чаем и швырнул ее в Шэнь Ханьфэна. Она попала точно в лоб, и чай вместе с листьями потек по лицу, застилая обзор.

Чжоу Ичэнь, тяжело дыша, указал на него пальцем:

— Ты просто безнадежен! Я ведь видел это. Видел собственными глазами.

— Что ты видел?

— Видел, как ты вышел из комнаты Шэнь Чэнчжи в распахнутых одеждах, с торжествующей улыбкой на лице, — сквозь зубы процедил Чжоу Ичэнь. — А Шэнь Чэнчжи был в разорванном

платье, весь в синяках, и на его одежде виднелись огромные кровавые пятна.

Шэнь Ханьфэн побледнел как полотно и пошатнулся, отступая на несколько шагов. В его голосе чувствовалась полная безнадежность:

— Значит, Ачэнь, ты так обо мне думаешь?

— А разве тут есть над чем думать? Мне нужно говорить это вслух? — В глазах Чжоу Ичэня читалось глубокое разочарование, смешанное с яростью. — Ханьфэн, если хочешь вернуть себе титул наследника, добивайся этого своими способностями, а не используй подобные грязные методы, чтобы уничтожить другого человека.

Шэнь Ханьфэн, не веря услышанному, попятился, его ноги дрожали, и он рухнул на пол. Дрожащими губами он прерывисто спросил:

— Чжоу Ичэнь, ты думаешь, что ради борьбы за титул наследника я... настолько постыдно пренебрег законами морали, применил силу к собственному брату и не побоялся его погубить? Ты так думаешь?

— А разве не так? Ты совершил такое деяние и еще смеешь всё переворачивать с ног на голову? Ты считаешь, что Я — дурак?

Шэнь Ханьфэн закрыл глаза, подавляя горечь в сердце, и поднял голову с гримасой насмешки на лице:

— Чжоу Ичэнь, ты слеп и глух душой, раз так мне не веришь? Эти десять лет моей преданности были потрачены зря, считай, что скормил их псам. Это я ошибся в тебе!

— Наглец! — Эти слова словно задели нерв Чжоу Ичэня, мгновенно приведя его в неистовство. — Шэнь Ханьфэн! Ты возомнил себя невесть кем! Стража! — взревел он, не в силах сдержать ярость.

Евнух Ли поспешно толкнул дверь и вбежал внутрь:

— Ваше Величество!

Чжоу Ичэнь указал на Шэнь Ханьфэна, стоявшего на коленях:

— Уведите его отсюда! Пусть стоит на коленях у ворот дворца и как следует обдумает свое поведение!

Евнух Ли, видя гнев Императора, не осмелился просить о милости и подошел к Шэнь Ханьфэну:

— Командующий Шэнь...

Шэнь Ханьфэн нетвердой походкой поднялся, евнух Ли поддержал его, помогая выйти наружу.

Чжоу Ичэнь глубоко вздохнул, его все еще била дрожь от гнева, слуги бросились убирать осколки. Спустя некоторое время евнух Ли снова принес чашку чая:

— Ваше Величество, выпейте чаю, остудите свой пыл.

Чжоу Ичэнь взял чашку, промочил горло и поставил ее обратно на стол.

— Скажи, может, Я слишком потокаю ему, раз он стал таким наглым?

Евнух Ли, который с детства прислуживал Императору, прекрасно видел его мысли насквозь и с улыбкой произнес:

— Если бы он стал таким же льстецом, как другие, Ваше Величество, вы бы сами не привыкли к этому. Командующий Шэнь — человек с искренней натурой.

Гнев Чжоу Ичэня немного поутих, он бросил косой взгляд на евнуха Ли:

— Хм! Язык у тебя острый.

— Ха-ха, всё благодаря вашей добродетели и великодушию, Ваше Величество, что вы не держите зла на командующего.

Император взял донесения, которые успели прибрать слуги, и снова начал их просматривать, но за долгое время так и не начертал ни единого знака. Он сам не понимал почему, но та сцена уже несколько лет стояла у него перед глазами, и как он ни старался, не мог ее забыть. Каждый раз при воспоминании о ней он приходил в неопишемую ярость.

У ворот дворца Шэнь Ханьфэн стоял на коленях, его тело покачивалось, словно в следующую секунду он готов был рухнуть без чувств. Его лицо было мертвенно-бледным, на щеках еще прилипли чаинки, а кровь на лбу уже засохла. Пот стекал по лицу, пропитывая одежду, губы потрескались, но сам он держался прямо, и в его взгляде читалось несокрушимое упорство. Время шло, силы покидали его, сознание начало туманиться.

Сюй Юньтин, появившись у ворот, увидел эту печальную картину.

<http://bllate.org/book/21868/2270070>